

УДК 81'38:82–311.9:1 <https://doi.org/10.24195/2616-5317-2019-29-8>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО ОЛЕСЯ БЕРДНИКА

Поль Донец

преподаватель кафедры перевода и теоретической и прикладной лингвистики
Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический
университет имени К. Д. Ушинського», Одесса, Украина
e-mail: dp85@ukr.net

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6759-0920>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются стилистические средства выражения трансгуманизма в раннем творчестве выдающегося украинского писателя Олеса Бердника, одного из ярчайших представителей отечественной научной фантастики. Материалом для исследования служат его романы «Пути титанов», «Стрела времени» и «Дети безграничности», раскрывающие перед читателем утопическую картину будущего. Выясняется, что на данном этапе творческой биографии автор придерживается канонов господствовавшего в середине XX века техно-оптимистического дискурса, а транслируемый им посыл характеризуется наличием ряда явных трансгуманистических и имморталистических признаков, которые обнаруживают себя как на содержательном (изображается эволюция человека во всеильное бессмертное существо), так и на лексико-стили-стическом уровне. Это проявляется, в частности, в активном использо-вании положительно окрашенных эпитетов, гиперболических метафор, метонимических олицетворений и других выразительных средств, формирующих особые черты его идиостиля. Задействованный писателем арсенал тропов и стилистических фигур в основном несёт в себе экспрес-сивно-эмоциональную окраску, то есть содержит элемент оценки (в дан-ном случае преимущественно позитивной). Отличительной особенностью прозы Бердника является повышенная эмфатичность: торжественно-приподнятый, нарочито высокопарный стиль, контрастность и яркость образов. Опираясь на идеи философии космизма, он, с одной стороны, сле-дует в сциентистском русле англосферной фантастики периода «Золо-того века», а с другой — привносит в устоявшийся жанр характерные элементы украинской национальной концептосферы. Вместе с тем более

поздний этап его творчества ознаменовался глубокой мировоззренческой трансформацией, вследствие чего авторский нарратив со временем всту-пает в антагонизм с ключевыми принципами доктрины трансгуманизма.

Ключевые слова: иммортализм, космизм, научная фантастика, постчеловек, трансгуманизм.

Введение. В пантеоне отечественной фантастики трудно найти фигуру более яркую и самобытную, чем О. П. Бердник. Прозаик и поэт, художник и композитор, философ и футуролог, путешествен-ник и проповедник, диссидент и правозащитник — кажется, нет та-кой области человеческой деятельности, в которой не преуспел бы этот выдающийся литератор. В этой связи неудивительно, что его творчество всё чаще становится предметом научных дискуссий, пе-риодически подвергаясь переоткрытию и переосмыслению в различ-ных, подчас весьма неожиданных контекстах.

На сегодняшний день его литературное наследие изучено до-статочно хорошо и недостатка внимания со стороны учёного сооб-щества в целом не испытывает: в фокусе внимания исследователей неоднократно оказывались как идейно-мировоззренческие, так и образно-языковые аспекты его произведений. Вместе с тем уникаль-ный, не имеющий аналогов идиостиль писателя до сих пор остаётся малоизученным явлением, представляя собой необъятное поле для интерпретации и стилистического анализа. Как справедливо замети-ла И. В. Смаглий, разносторонняя проза Бердника по-прежнему тре-бует глубоких исследований и новых подходов в расшифровке всех её смысловых пластов (Смаглий, 2018: 61).

Актуальность. Одним из таких пластов, очевидно, является транс-гуманизм, интерес к которому неуклонно возрастает в связи с уси-ливающимся влиянием блока конвергентных или, иначе, нано-био-инфо-когнитивных технологий на эволюцию, развитие, а то и вовсе — на саму будущность нашего биологического вида. Сказан-ное выше свидетельствует об актуальности изучения языка и стиля художественных произведений, связанных по смыслу и содержанию с указанной темой.

Цель. Следовательно, если и искать в украинской фантастике модель будущего, вырабатываемого в рамках трансгуманистическо-го дискурса, то начинать, бесспорно, следует с Бердника: при всей неоднозначности и противоречивости его взглядов именно он, как

никто другой, был озабочен вопросами онтологического переустройства человека и окружающего его мира. Таким образом, поиск стилистических средств выражения трансгуманизма в творчестве вышеозначенного автора и станет основной целью статьи.

Материалы и методы. При написании работы был задействован комплекс общенаучных методов, среди которых наиболее значимым для нас оказался метод контент-анализа, используемый в лингвистических исследованиях для вычленения в текстовом массиве тех или иных слов и понятий. Согласно определению А. Н. Баранова, сущность данного подхода заключается в том, чтобы на уровне слов и словосочетаний «сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста — его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях» (Баранов, 2001: 247). Материалом для исследования послужили романы Бердника «Пути титанов», «Стрела времени» и «Дети безграничности», относящиеся к раннему периоду его творчества.

Результаты и дискуссия. На первый взгляд может показаться, что художественно-эстетическое мировоззрение Бердника идеально ложится в указанную канву. Уже его дебютный опус «Пути титанов» представляет воображению читателя утопическую панораму будущего: преуспевающая, технически продвинутая раса землян раскинулась на сотни миров и звёздных систем. Терраформированы соседствующие с Землёй планеты и спутники, процветает гео- и астроинженерия, налажены контакты с внеземными цивилизациями. Повествование пестрит разнообразием фантастических приёмов и штампов: на страницах книги нашлось место и антигравитации с антиматерией, и телекинезу с телепатией, и сверхсветовым перемещениям с прогрессорскими миссиями за пределами ойкумены.

По мнению канадского профессора-слависта В. Смирнива, в «Пути титанов» Бердник очарован перспективами научно-технического прогресса и находится на пике сциентистского оптимизма (Smurniiv, 1981: 6). Будущее изображается автором широкими мазками и преимущественно в радужных тонах. Благодаря активному задействованию положительно окрашенных эпитетов его описание по многим признакам напоминает классическую утопию: *неймовірні, казкові досягнення, щасливе життя розумних істот, сповнене смислу і перспективи; настане час відпочинку, блаженства, розваг і небаченого щастя; які чудові люди будуть в майбутньому, як житимуть чудесно! Просто казка...*

В сходном ключе выдержаны его последующие романы «Стрела времени» и «Дети безграничности». До глубины пронизанные сциентизмом своей эпохи, оба произведения, говоря словами Х. Ортеги-и-Гассета, внушают читателю «полную уверенность, что завтра, словно упиваясь стихийным и неистовым ростом, мир станет ещё богаче, ещё шире и совершенней» (Ортега-и-Гассет, 2002: 56). Подобные умонастроения были характерными для значительной части советского фэндома того периода. «Образованные люди и особенно молодёжь, — вспоминает В. М. Розин, — оказались захваченными новыми идеями и ощущениями, а сегодня мы бы сказали, и соответствующими мифами — мифом могущества человечества, мифом могущества науки и техники и мифом освоения космоса» (Розин, 1997: 274).

Впрочем, даже на фоне современников прозу Бердника отличала повышенная экспрессивность: торжественно-приподнятый, нарочито высокопарный стиль, контрастность и яркость образов. С самого начала его излюбленным поэтическим средством становится гиперболическая метафора, которая, опираясь на различные аналогии, образует разветвлённые метафорические поля. Так, лексемы «наука» и «разум» вызывают у автора устойчивые ассоциации с:

- оружием (*воїн великої армії Розуму; зброя людської думки, якою вона перебудовує світ; наука руйнує всі межі, які сам перед собою встановлює консервативний розум*);
- религией (*величний храм сучасної Науки; Розум всемогутній, йому поклоняйтесь, люди!*);
- триумфом (*у морок, у безвість ради торжества Знання; завжди буде торжествувати в світі людський розум; я вірю в торжество Науки, в безмежність її можливостей!*);
- богатством (*дивовижні скарби знання, суспільства аристократів духу й розуму*).

Дополнительный эмфатический оттенок в данном случае привносят украшающие эпитеты (*нестримного людського інтелекту; силою могутнього Розуму; перед Розумом відкривається безкінечний грандіозний шлях дослідження й пізнання; кохався в чарівному світі числа, точного виміру, бездоганного експерименту*) и олицетворения (*Наука вільна, чесна і безстрашна; вічно молодий дух пізнання*).

Основатель теории постиндустриального общества Д. Белл назвал такое мессианское видение науки «scientists ex machina» по аналогии

с античным выражением «Deus ex machina», означающим неожиданную, искусственную развязку безвыходной ситуации с привлечением божественного вмешательства извне (Белл, 2004: 517). По словам профессора Университета Рединга П. Парриндера, сциентизм в подобных произведениях становится формой религии, в которой наука является объектом поклонения и обещает спасение, а учёные выступают в роли пастырей (Parrinder, 2014: 115). Сакрализация научной деятельности подменяет собой веру в высшие трансцендентные силы, возводя учёного-изобретателя в ранг демиурга. В центре таких нарративов, по наблюдению Р. Лахманн, всегда стоит «человек посвящённый, который как знаток и учёный превращает Другого в объект эксперимента и познания, становясь при этом новым творцом и перестраивая мир» (Лахманн, 2009: 6).

Именно такую картину мы наблюдаем у Бердника. Неоплатонический культ науки и знания, помноженный на гуманистический пафос и экстатическое возвеличивание человека за способность к постижению устройства мира, даёт на выходе неповторимую стилистическую картину, сотканную из патетики и эмфазы. Из многочисленных примеров видно, что редкое предложение Бердника обходится без экскламации и капитализации. Здесь всё — с прописной буквы: Человек, Разум, Полёты, Контакт, Вселенская Дружба, а едва ли не каждое второе высказывание увенчивается риторическим вопросом или восклицанием.

Лексические маркеры трансгуманизма встречаются в ранних произведениях Бердника повсеместно. Писатель не устаёт говорить о возможности взойти на другую ступень бытия, сбросить оковы времени и пространства и, что примечательно, бросить вызов самой смерти, что привносит в повествование нарратив научного иммортализма. Хотя тема вечной жизни, пишет Смирнов, не единожды затрагивалась западными фантастами, в советской литературе Бердник оказался первым, кто рискнул изобразить последовательную эволюцию человека в бессмертное богоподобное существо (Smirnov, 1984: 10). И это не художественная абстракция, не далёкий и недостижимый идеал: Бердник последовательно отстаивает мысль о том, что ключ к вечной жизни не просто существует, но и находится на расстоянии вытянутой руки, для чего подбирает соответствующие эпитеты и метафоры (*ми вступаємо в еру*

безсмертя; відкрити еру безсмертя; йду вперед, оновлений, могутній і безсмертний!).

Для придания своей речи убедительности автор опирается на метафорическую модель дороги, которую можно пройти (*люди ступили на шлях безсмертя; експериментом, який відкриє дорогу в безсмертя; шукає в лабіринтах живої клітини причину старіння, вже здобуто перші успіхи на цьому важкому шляху*), или вершины, которую можно покорить, для большей выразительности усиливая её анадиплосисом (*але як далеко ще до вершини... до вершини, з якої видно буде безсмертя*) и лексической анафорой (*попереду — Знання, попереду — Еволюція, попереду — Безсмертя!*). При этом безусловное первенство по частотности употребления принадлежит лексеме «бесконечность»: *небачений стрибок у Безкінечність; це буде трампліном у Безкінечність; станеш володарем Безкінечності; торжество Людини над Безкінечністю; Людина — це Велика Спіраль, яка пронизує Безкінечність; Безкінечність не страшилася людей того світу. Вона була їх домівкою, полем роботи*.

Примечательно, что фантаст не ограничивается каким-то одним способом достижения бессмертия. Рассматривается целый комплекс возможных методов и практик, среди которых особого упоминания достойны:

- крионика (*Інститут Воскрешень*);
- киборгизация (*люди повністю поєднали біологію з механікою та електронікою*);
- сеттлеретика (*біокібернетичний комплекс переносить інформацію пам'яті, почуттів, психогенетичні надбання з старого тіла у нове*);
- антиэйджинг (*їхні обличчя сяяли молодістю і красою. Цього досягла біохімія, переборовши старіння клітин організму*).

Несложно заметить, что основным приёмом в вышеперечисленных случаях выступает метонимическое олицетворение.

Главная мысль, красной нитью проходящая через его произведения, — необходимость автоэволюции (*потенціальні можливості мозку можна незмірно розширити; революційна перебудова людини необхідна*), для выражения которой автор обычно прибегает к метафоре (*стати власним плавильщиком; планувати власну еволюцію*). Для обозначения перехода к постчеловеческой стадии Бердник вводит в оборот окказионализм и даёт ему определение: *трансміграція — тобто, подорож через простір, єднання на відстані з близькими істотами, телекі-*

нез, антигравітація і безліч інших можливостей. При этом фантаст не скупится на описання постлюдей, котрым, по его представлению, суждено унаследовать завтрашний день: *безсмертні кіборги, самопрограмуєчі механтропи, невразливі космонавти, що прямують до далеких світів, штучні вундеркінди, які відкриють для людей найпотаємніші глибини матерії, композитори і автомати-поети, які розвінчають містичність творчого натхнення і покажуть його раціоналістичну основу.*

Космизм — ещё одна грань творчества Бердника, во многом роднящая его произведения с тематикой трансгуманизма. Так, из «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова он заимствует учение о всеобщем воскрешении и обессмертении предков, то есть всех когда-либо живших людей. Для достижения экспрессивной окраски в реплики персонажей могут быть искусно вплетены библейские аллюзии (*буде не тільки воскресений, а й першим введений в безсмертя*).

У В. Н. Муравьёва он берёт на вооружение концепцию «овладения временем», что в бердниковском прочтении, опять же, имеет аллюзивную природу, принимая вид метафизической победы человека над Хроносом (*це буде перша перемога над Хроносом; перемогти деспотію часу*). В стилистическом разрезе эта борьба находит отражение в виде риторических вопросов: *Як побороти деспотизм Хроноса? Як вийти з його пастки? Хіба не кричить весь світ, уся нескінченність у в'язниці Хроноса, в його невидимому череві?*

От В. И. Вернадского Бердник перенял идею автотрофности, в соответствии с которой человечество должно создать для себя искусственную экосистему, функционирующую независимо от земной биосферы (*людина вже не залежала від середовища, від наявності певних умов; не носити скафандра, не створювати штучного мікроклімату, а бути господарем неосяжності*). Звучит призыв к созданию Нового Человека, получающего пищу и энергию от Солнца путём искусственного фотосинтеза (в подобных случаях автор использует ещё один окказионализм — *Космоандр*). В этой связи вполне логично, что и тело данному постчеловеческому существу также понадобится новое: *Необхідне нове тіло — пластичне, гармонійне, динамічне, — у якому не було б еволюційних апендиксів, зайвих органів, гіпертрофованих функцій, щоб воно стало ідеальним інструментом волі й розуму.*

От К. Э. Циолковского писатель унаследовал идею «лучистого человечества». По Берднику, человек в его нынешней телесной обо-

лочке исчерпал свой эволюционный потенциал (*біологічні тупики*), а потому необходим переход к постбиологическим формам существования (*вихід за межі тіла*). Постчеловек, по его мнению, будет представлять собой энергетическую форму жизни, описываемую при помощи нестандартных метафор (*ультрафіолетове пташеня свободи вирушає в нескінченний політ*) и стилистического параллелизма, где анафора соединяется с антитезой: *Напрямо еволюції — поступовий перехід з тіньового буття у світоносьне, з світу Відносності до світу Абсолютності, з світу Необхідності до світу Свободи.*

По описанию эти создания мало походят на людей (*нічого звичного не було в оновлених людських істотах*) и близки к трансгуманистическим представлениям о постчеловеке как о внеприродном существе: *вони могли перебувати не тільки в атмосфері, а й у повному вакуумі. Пошкоджені кінцівки регенерувались, відживлялись силою активізуючої дії мозку. Про смерть не могло бути й мови. Істоти мали таке багатогранне єство, що не боялися механічних ударів, а вільно переходили з одного виміру простору в інший, недоступний для тіла.* Одним из следствий такой метаморфозы является мультителесность, когда индивид перестаёт определяться только через характеристики своего физического тела и психики, а превращается в многомерную систему, состоящую из множества (в перспективе — бесконечного множества) как материальных, так и нематериальных носителей. У Бердника такой переход принимает форму антитезы: *Природа дала йому одне тіло — він, породжений тілом, опанує мірадами тіл і явищ.*

От В. С. Соловьёва в романы Бердника переключалась позиция «смертоборчества», что в стилистическом аспекте чаще всего принимает вид олицетворения (*вчений борюється зі смертю; невпинно змагається зі смертю; це буде великою перемогою над неблаганною смертю; він переміг смерть; поклявся все життя присвятити боротьбі зі смертю; смерть буде переможена; вік, коли переможена смерть; це дозволить одвертати смерть*) и метонимии (*дерзновенна рука людини хоче прорвати морок смерті*). У него же писатель перенимает идею богочеловечества, наделяя своих персонажей божественными чертами посредством эпитетов и сравнений: *людина буде безсмертною, всемогутньою, всюдисуючою; люди одержали сили могутніші, ніж всі боги стародавніх народів; людство і всезнаюче, як Бог; володар світу — Людина! Людина — це Все; Людина — як Бог.*

Усилению экспрессивно-эмоциональной нагрузки в данном случае способствует стилистическая конвергенция, которую И. В. Арнольд определяет как «схождение в одном месте пучка стилистических приёмов, участвующих в единой стилистической функции» (Арнольд, 1990: 64). Нижеприведённый пример демонстрирует, как автор объединяет в одном высказывании синекдоху, анафору, гиперболическую метафору и риторическое обращение: *Людина... Чи є щось могутніше за тебе? Ти рухаєш планети... Ти одягаєш їх атмосферу... Ти посієш під новим сонцем дерева і квіти, побудуєш чудесні будинки... Хто ж ти, людино? Ти — безсмертний розум! — Ти живий вогонь, що розганяє нітьму Космосу! <...> Ти — господар буття!*

Ещё одной отличительной чертой, роднящей творчество Бердника с мировоззрением космистов, является заимствование эстетического феномена ренессансного титанизма. Устами своих героев автор рассуждает о всемогуществе человеческой личности, беспредельности её возможностей (*супільство прекрасних, всемогутніх людей*). Метафорическая фигура титана настолько любима писателем, что возникает в тексте едва ли не чаще остальных: *прогрес йде кроками титанів; ти воістину станеш титаном, коли вийдеш з своєї коліски Землі! Взірцем може стати світ прекрасних людей з інтелектом титанів! Це титанічно! Ваше покоління — це покоління титанів!*

Впрочем, даже с учётом сказанного выше, спешить с выводами и записывать всю фантастику Бердника в разряд трансгуманистической всё же не следует. На рубеже 50–60-х гг. в мировоззрении писателя намечился глубокий идейный «перелом», в результате чего его последующая проза претерпевает кардинальную жанровую, нарративную и, как следствие, стилистическую трансформацию. По целому ряду пунктов она не просто различается, но и вступает в прямое противоречие с идейным базисом и принципами доктрины трансгуманизма. Этому этапу его творческой биографии мы посвятим отдельную статью, а пока подытожим наши рассуждения.

Выводы. Создавая свои ранние произведения, Бердник синтезировал ноосферное мироощущение философии антропокосмизма и техно-утопический пафос «Золотого века» научной фантастики. Сравнивая эти подходы с трансгуманистическим, можно отметить в некоторых позициях несомненно сильное концептуальное пересечение. В пользу этого свидетельствует задействованный писателем ар-

сенал изобразительно-выразительных средств языка (тропов и стилистических фигур), несущих в себе экспрессивно-эмоциональную окраску, то есть содержащих элемент оценки — в данном конкретном случае преимущественно позитивной по отношению к человеку, науке и их коэволюционно-трансформационному потенциалу.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Москва : Просвещение, 1990. 301 с.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia, 2004. 788 с.
- Лахманн Р. Дискурсы фантастического. Москва : НЛО, 2009. 384 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. *Восстание масс*. Москва : АСТ, 2002. С. 11–208.
- Розин В. М. Парадоксы научной фантастики. *Философия техники: история и современность*. Москва : ИФ РАН, 1997. С. 272–281.
- Смаглій І. Аксиологічна ієрархія земного і космічного у творах Олесея Бердника. *Наукові записки БДПУ*. Філологічні науки. Бердянськ : БДПУ, 2018. № 16. С. 60–69.
- Parrinder P. Science Fiction: A Critical Guide. New York : Routledge, 2014. 251 p.
- Smyrniw W. Oles Berdnyk's Science Fiction. *Apostle of Immortality*. Toronto : Bayda Books, 1984. P. 7–11.
- Smyrniw W. The Theme of Man-godhood in Oles Berdnyk's Science Fiction. *Journal of Ukrainian Studies*. Edmonton : CIUS Press, 1981. Vol. 6(1). P. 3–19.

СТИЛІСТИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ТРАНСГУМАНІЗМУ В ТВОРЧОСТІ РАНЬОГО ОЛЕСЕЯ БЕРДНИКА

Поль Донець

викладач кафедри перекладу і теоретичної та прикладної лінгвістики Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», Одеса, Україна
e-mail: dp85@ukr.net

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6759-0920>

АНОТАЦІЯ

У статті розглядаються стилістичні засоби вираження трансгуманізму у ранній творчості видатного українського письменника Олесея Бердника, одного з найяскравіших представників вітчизняної наукової фантастики. Матеріалом для дослідження служать його романи «Шляхи титанів», «Стріла часу» і «Діти безмежся», що розкривають перед чи-

тачем утопічну картину майбутнього. З'ясовується, що на цьому етапі творчої біографії автор дотримується канонів техно-оптимістичного дискурсу, що панував в середині ХХ століття, а трансльований ним меседж характеризується наявністю ряду трансгуманістичних та іморталістичних ознак, які з'являються як на змістовному (зображується еволюція людини у весільну безсмертну істоту), так і на лексико-стилістичному рівні. Це виявляється, зокрема, в активному використанні позитивно забарвлених епітетів, гіперболічних метафор, метонімічних уособлень та інших виразних засобів, що формують особливі риси його ідіостилу. Задіяний автором арсенал тропів і стилістичних фігур в цілому несе в собі експресивно-емоційне забарвлення, тобто містить елемент оцінки (в даному випадку переважно позитивної). Визначальною особливістю прози Бердника є підвищена емпатичність: урочисто-піднесений, пишномовний стиль, контрастність і яскравість образів. Спираючись на ідеї філософії космізму, він, з одного боку, слідує в сцієнтистському руслі англомовної фантастики періоду «Золотого століття», а з іншого — привносить до сталого жанру характерні риси української національної концептосфери. У той же час пізній етап його творчості ознаменувався глибокою світоглядною трансформацією, внаслідок чого авторський наратив згодом вступає в антагонізм з ключовими принципами доктрини трансгуманізму.

Ключові слова: іморталізм, космізм, наукова фантастика, постлюдина, трансгуманізм.

STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING TRANSHUMANISM IN OLES BERDNYK'S EARLY NOVELS

Pol Donets

Assistant Lecturer at the Department of Translation and Theoretical and Applied Linguistics, State Institution "South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky", Odesa, Ukraine

e-mail: dp85@ukr.net

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6759-0920>

SUMMARY

The article examines stylistic devices in which distinguished Ukrainian writer Oles Berdnyk expresses transhumanist ideas. The author is famous for being one of the brightest representatives of native science fiction. His early novels «Paths of Titans», «The Arrow of Time» and «Children of Infinity», which depict a utopian future, have been chosen as an object to be studied. It is found out that the message translated by the author in a given period of his creative activity reproduces primarily the techno-optimistic discourse that prevailed in the middle of the twentieth century and has some obvious transhumanist and immortalist indications,

which can be observed both at substantive (the evolution of a man into an omnipotent immortal being is being depicted) and stylistic level. In its simplest form, this is manifested in the active use of positively colored epithets, hyperbolized metaphors, metonymic embodiments and other stylistic means which shape central features of the author's idiosyncrasy. The tropes and figures of speech used by the author are in most cases emotionally expressive, that is, they contain elements of value (mostly positive, in this case). One common characteristic of Berdnyk's prose is its high expressiveness, that is, solemn and pompous style, contrast and bright images. Building on the ideas of cosmism philosophy, he follows the scientific trends of the Golden Age of western science fiction on the one hand and introduces some distinctive elements of national Ukrainian conceptsphere into the established genre on the other. His late works, however, underwent drastic philosophical changes, resulting in a gradual departure from his previous views.

Key words: immortalism, cosmism, posthuman, science fiction, transhumanism.

REFERENCES

- Arnold, I. V. (1990). *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka (stilistika dekodirovaniia) [Stylistics of modern English (decoding stylistics)]*. Moscow: Prosveshchenie [in Russian].
- Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]*. Moscow: Editorial URSS [in Russian].
- Bell, D. (2004). *Griadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniia [The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting]*. Moscow: Academia [in Russian].
- Lahmann, R. (2009). *Diskursy fantasticheskogo [Discourses of fantastic]*. Moscow: NLO [in Russian].
- Ortega y Gasset, J. (2002). Vosstanie mass [The revolt of the masses]. *Vosstanie mass — The revolt of the masses*. (pp. 11–208). Moscow: AST [in Russian].
- Rozin, V. M. (1997). Paradoxы nauchnoi fantastiki [Paradoxes of science fiction]. *Filosofia tekhniki: istoriia i sovremennost — Philosophy of technics: history and modernity*. (pp. 272–281). Moscow: IF RAN [in Russian].
- Smahlii, I. (2018). Aksiolohichna ierararkhiia zemnoho i kosmichnoho u tvorakh Olesia Berdnyka [Axiological hierarchy of terrestrial and cosmic in Oles Berdnyk's works]. *Naukovi zapysky BDPU. Filolohichni nauky — Scientific notes of BDPU. Philological sciences* (Vol. 16), (pp. 60–69). Berdiansk: BDPU [in Ukrainian].
- Parrinder, P. (2014). *Science Fiction: A Critical Guide*. New York: Routledge.
- Smyrniw, W. (1984). Oles Berdnyk's Science Fiction. *Apostle of Immortality*, (pp. 7–11). Toronto: Bayda Books.
- Smyrniw, W. (1981). The Theme of Man-godhood in Oles Berdnyk's Science Fiction. *Journal of Ukrainian Studies* (Vol. 6(1)), (pp. 3–19). Edmonton: CIUS Press.

Стаття надійшла до редакції 15.07.2019